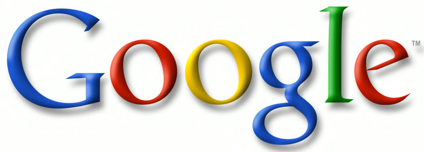

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

МЫ
И
ОНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ГУДОКЪ".
1907.

Цѣна 40 коп.

Г. В. Плехановъ.

МЫ И ОНИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Названіе этого сборника достаточно опредѣляетъ собою, кажется мнѣ, ту цѣль, ради которой я издаю рѣчи, произнесенныя мною на нашемъ послѣднемъ съѣздѣ: мнѣ хочется дать читателю матеріалъ для выясненія разницы между взглядами такъ называемыхъ *большевиковъ*, съ одной стороны, и такъ называемыхъ *меньшевиковъ*—съ другой. Эта разница имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ тѣмъ принципіальнымъ разногласіямъ, которыми вызываются споры между марксистами и ревизіонистами. Наши «меньшевики», которыхъ иные—мало вдумчивые или не вполнѣ безпристрастные—публицисты уподобляютъ подчасъ «ревизіонистамъ», въ дѣйствительности относятся къ «ревизіонизму» съ гораздо болѣе полнымъ отрицаніемъ, нежели «большевики». Можно сказать даже, ни мало не грѣша противъ истины, что между «большевиками» встрѣчается гораздо больше людей, такъ или иначе склонныхъ къ «ревизіонизму», нежели между «меньшевиками». Вотъ яркій примѣръ: поскольку писатели изъ лагеря «большевиковъ» касались философскихъ темъ, постольку всѣ они оказывались *противниками матеріалистической философіи основателей научнаго соціализма*. Въ

своемъ отрицательномъ отношеніи къ матеріализму Маркса и Энгельса эти писатели вполнѣ сходятся, напримѣръ, съ «ревизіонистомъ» Конрадомъ Шмидтомъ, съ которымъ я когда-то велъ философскую полемику на страницахъ «Neue Zeit». Правда, они не одобряютъ кантіанской точки зрѣнія Конрада Шмидта. Но, во первыхъ, «*пересмотръ*» (Revision) ученія Маркса не перестаетъ быть *пересмотромъ* отъ того, что его дѣлаютъ не во имя Канта, а во имя Маха или Авенаріуса. Во вторыхъ, теорія Маха или Авенаріуса совсѣмъ не такъ чужда кантіанства, какъ это могутъ думать люди, не знакомые съ исторіей философскихъ идей. Въ философскомъ отношеніи теоретики нашего «большевизма» являются, поэтому, самыми несомнѣнными ревизіонистами. И все-таки необходимо признать, что наши споры съ ними ведутся въ совершенно другой плоскости, нежели тѣ, которые происходили и происходятъ между марксистами и ревизіонистами западныхъ странъ.

Тактическіе взгляды нашихъ «большевиковъ»,—а мы споримъ съ ними главнымъ образомъ о тактикѣ,—такъ же мало похожи на взгляды западныхъ ревизіонистовъ, какъ и на взгляды марксистовъ. Они напоминаютъ собою скорѣе взгляды Бланки или Бакунина и его ближайшихъ послѣдователей. Я знаю, что такое уподобленіе кажется «большевикамъ» почти *умышленной* несправедливостью; но я дѣлаю его съ самымъ серьезнымъ убѣжденіемъ и ни мало не увлекаясь при этомъ полемическимъ задоромъ.

Тактика нашихъ «большевиковъ» въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ ничего общаго даже съ «*пересмотрѣннымъ*» марксизмомъ, и когда имъ указываютъ на это, они напрасно обижаются. По поводу неудовольствія, вызваннаго въ извѣстной средѣ «*Ревизоромъ*», Гоголь напоминалъ когда-то своимъ противникамъ народную поговорку: нечего на зеркало пенять, когда и т. д. И эту же поговорку я позволю себѣ напомнить своимъ противникамъ изъ «большевистскаго» лагеря.

Въ чемъ заключается сходство между тактикой нашихъ «большевиковъ» и прочихъ революціонеровъ-*утопистовъ?* А вотъ въ чемъ.

Какъ я сказалъ въ рѣчи, произнесенной мною въ 16-мъ засѣданіи съѣзда, наши большевики дѣлаютъ тактическую ошибку, тождественную съ логической ошибкой, называемой petitio principii. Они считаютъ *уже достигнутой* народомъ ту ступень революціоннаго сознанія, на которую его еще *надо поднять* съ помощью его собственнаго политическаго опыта. Но это какъ разъ та самая ошибка, которую неизмѣнно совершали въ своихъ тактическихъ разсчетахъ всѣ *революціонеры-утописты* и которую до сихъ поръ безпрестанно повторяютъ нынѣшніе декаденты утопизма—*анархисты*. Товарищъ Карлъ Либкнехтъ въ своей интересной книгѣ «Militarismus und Antimilitarismus» справедливо говоритъ объ анархическихъ «выступленіяхъ»: «Конечно, въ ходѣ развитія классовой борьбы можетъ наступить такое время, когда способъ дѣйствій, рекомендуемый анархистами, окажется возможнымъ и правильнымъ. Но ошибка

анархизма заключается не въ абсолютной, а въ относительной неприложимости пропагандируемаго имъ способа дѣйствій,—въ той относительной непримѣнимости, которая обусловливается игнорированіемъ данныхъ общественныхъ соотношеній силы, при чемъ это игнорированіе въ свою очередь порождается отсутствіемъ пониманія исторической и общественной жизни. И если планы анархизма на болѣе поздней стадіи развитія окажутся осуществимыми и правильными, то этимъ вовсе не оправдывается, а, напротивъ, осуждается анархическая тактика». (Стр. 111). Это не въ бровь, а въ глазъ нашимъ «большевикамъ». Со временемъ, когда политическое воспитаніе нашего народа будетъ *закончено*, ихъ тактика можетъ, пожалуй, оказаться примѣнимой и плодотворной. Но въ этомъ заключается не оправданіе этой тактики, а именно ея осужденіе: если она можетъ быть хороша *только тогда*, когда *уже* закончится политическое воспитаніе народа, то ясно, что *не она* будетъ способствовать этому воспитанію; а между тѣмъ въ немъ то и состоитъ важнѣйшая политическая задача нашего времени. Карлъ Либкнехтъ прибавляетъ далѣе, что за анархической тактикой надо признать, по крайней мѣрѣ, *заслугу почина*. Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ: слишкомъ уже велико неразуміе этой тактики. Но какъ бы тамъ ни было, а уже совсѣмъ несомнѣнно то, что тактика нашихъ «большевиковъ» плоха *именно въ смыслѣ почина*. О заслугахъ подобнаго рода надо судить, соображаясь съ обстоятельствами времени и мѣ-

ста. А эти обстоятельства въ Германіи совсѣмъ не таковы, какъ въ Россіи. Можетъ быть, въ Германіи, гдѣ анархизмъ никогда не былъ господствующимъ теченіемъ, тактика анархистовъ въ самомъ дѣлѣ способна привести иногда того или другого соціалдемократа къ мысли о тѣхъ *новыхъ* пріемахъ борьбы, которые подсказываются новыми условіями жизни. Не то у насъ. По всему своему духу тактика нашихъ «большевиковъ» представляетъ собою возвратъ къ тѣмъ привычкамъ политической мысли, которыя еще недавно безраздѣльно господствовали въ нашей революціонной средѣ и которыя до сихъ поръ преобладаютъ между «соціалистами-революціонерами». Она *не родитъ ничего новаго*—за исключеніемъ развѣ анархо-синдикализма—а только *воскрешаетъ старое*, которое совсѣмъ изжило себя и отъ котораго нашимъ революціонерамъ давно пора отказаться въ интересахъ своего дѣла.

Вотъ почему поддерживать тактику «большевиковъ» въ ущербъ тактикѣ «меньшевиковъ» —значитъ поддерживать утопизмъ на счетъ марксизма.

Возьмите, хотя бы, «мысль» товарища Петра Ал.—въ «*Сборникѣ первомъ*»—объявить исполнительнымъ комитетомъ нашу думскую лѣвую. Въ 16-мъ засѣданіи съѣзда я объявилъ эту мысль однимъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ «большевистскаго» непониманія дѣла.

Въ защиту товарища Петра Ал. товарищъ П. Ал. крикнулъ мнѣ—какъ я узналъ потомъ отъ т. Мартова—что я не вѣрно цити-

рую. Съ формальной стороны это было, пожалуй, такъ. Въ цитату, сдѣланную мною на память, закралась нѣкоторая неточность. Петръ Ал. имѣлъ въ виду, какъ я это написалъ теперь нѣсколькими строками выше, *всю* нашу думскую *лѣвую*, а я сказалъ въ своей рѣчи, что вышеуказанная мысль рекомендовалась имъ собственно нашей соціалдемократической фракціи. Но вѣдь эта обмолвка ничего, *ровнехонько ничего* не измѣняетъ: «*мысль*» товарища Петра Ал. остается нелѣпой совсѣмъ независимо отъ того, кому именно онъ рекомендовалъ ее: одной ли нашей фракціи, или-же всей думской лѣвой. Нелѣпой она должна быть признана именно потому, что она—какъ говоритъ Карлъ Либкнехтъ объ *анархической* тактикѣ—игнорировала данныя общественныя соотношенія силы и свидѣтельствовала о полнѣйшемъ, изумительнѣйшемъ непониманіи нашего тогдашняго положенія. И замѣтьте: нелѣпость «мысли» товарища Петра Ал. заключается—опять, какъ у анархистовъ,—не въ ея абсолютной, а въ ея относительной непримѣнимости. Въ будущемъ можетъ наступить такое время, когда окажется возможнымъ, полезнымъ и нужнымъ «выступленіе» въ родѣ того, которое рекомендовалъ, въ началѣ 1907 года, вниманію думской лѣвой товарищъ Петръ Ал. *). Но—только въ *будущемъ*. И именно по-

*) Я говорю: „*въ родѣ того, которое*" и проч., потому что мнѣ все-таки остается совершенно непонятнымъ, при чемъ тутъ „исполнительный комитетъ". Надо полагать, что, въ качествѣ крайняго

этому «тактика» тов. Петра Ал., предполагающая сдѣланнымъ то, что еще нужно сдѣлать, должна быть въ настоящее время рѣшительно осуждена всѣми тѣми, которые хотятъ своей политической дѣятельностью способствовать скорѣйшему наступленію такого будущаго.

Въ настоящее время «тактика» тов. Петра Ал. можетъ встрѣтить сочувствіе только со стороны людей, питающихъ то отрадное, хотя и мало основательное убѣжденіе, что русскій народъ уже вполнѣ готовъ къ самымъ крайнимъ «выступленіямъ». Но такихъ людей у насъ было особенно много въ ту пору, когда наше революціонное движеніе совершалось подъ знакомъ бакунизма.

Послѣ моей рѣчи на парижскомъ международномъ съѣздѣ 1889 года старый Вильгельмъ Либкнехтъ подошелъ ко мнѣ и, сочувственно пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Я слушалъ васъ съ большимъ удовольствіемъ. Вы первый русскій, не старающійся увѣрить насъ, людей Запада, въ томъ, что въ Россіи все готово для революціи. Со временъ Бакунина я постоянно слышалъ, что тамъ «все готово», и удивлялся только тому, что революція все-таки заставляетъ себя такъ долго ждать». Тактика «большевиковъ», получившая такое яркое выраженіе въ «мысли», удостоившейся одобренія тов. Петра Ал., только возвращаетъ насъ къ бакунинскому «вспышко-

„революціонера“, тов. Петръ Ал. просто захотѣлъ „не уважить“ партіи Народной Воли: у насъ, молъ, тоже будетъ исполнительный комитетъ.

пускательству». Въ смыслѣ возвращенія къ этой тактикѣ, ей въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ заслуга почина, потому что вся наша соціалдемократическая литература, отъ первыхъ изданій группы «Освобожденіе Труда» до «Зари» и «старой Искры» включительно, проповѣдывала совсѣмъ другіе тактическіе взгляды. Но вѣдь это *чисто отрицательная заслуга.*

Какъ я уже сказалъ на съѣздѣ и какъ я повторилъ это здѣсь, въ основѣ всей тактики «большевиковъ» лежитъ утопическая увѣренность въ томъ, что народъ уже достигъ той ступени политическаго развитія, которая на самомъ дѣлѣ только еще должна быть достигнута въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Иначе сказать, «большевики» предполагаютъ уже рѣшенною ту политическую задачу, въ рѣшеніи которой и должно обнаружиться наше политическое искусство. До какой степени это вѣрно, читатель могъ еще недавно видѣть изъ тѣхъ доводовъ, которые приводились «большевиками» *противъ*,—это не описка; я написалъ то, что хотѣлъ написать, т. е. *противъ*—бойкота третьей Думы. Теперь бойкотъ излишенъ—говорятъ они—такъ какъ теперь уже разрушены конституціонныя иллюзіи народа. Я оставлю въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько бойкотъ первой Думы могъ содѣйствовать такому разрушенію, и обращаю вниманіе читателя только на ту психологію, которая обнаруживается въ этой аргументаціи противъ бойкота. Мы видимъ тутъ *лишь новое выраженіе старой, утопической увѣренности*

въ томъ, что задача, подлежащая рѣшенію, уже рѣшена: «конституціонныя иллюзіи» уже разрушены и, слѣдовательно, въ Россіи опять «все готово», такъ что остается лишь подумать о «рѣшительномъ выступленіи». И такой утопизмъ обнаруживаютъ въ средѣ «большевиковъ» даже противники бойкота, т. е. люди, хотя бы только случайно дѣлающіе правильный шагъ. О бойкотистахъ нечего и говорить: ихъ психологія рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ психологіи «соціалистовъ-революціонеровъ».

Такъ какъ задача, подлежащая рѣшенію, считается уже рѣшенною, то «большевику» естественно не остается думать ни о чемъ другомъ, кромѣ «рѣшительнаго выступленія». Въ «рѣшительномъ выступленіи»—альфа и омега «большевистской» тактики. Внѣ его они ровно ничего не видятъ.

Въ 16-мъ засѣданіи съѣзда тов. Мѣшковскій, говорившій сейчасъ же послѣ меня, съ ехидной улыбкой замѣтилъ, что, вопреки моимъ утвержденіямъ, «большевики» ничего не говорятъ теперь о вооруженномъ возстаніи.

Тов. Мѣшковскій наивно думалъ, что этимъ доводомъ онъ разрушилъ всю мою аргументацію. И такъ, повидимому, думали всѣ другіе «большевики». Но замѣчаніе тов. Мѣшковскаго было, во первыхъ, не совсѣмъ точно фактически. Одинъ изъ московскихъ «большевиковъ» категорически заявилъ—если память мнѣ не измѣняетъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ засѣданій, посвященныхъ нами спорамъ о порядкѣ дня—что

такъ какъ движеніе народа уже достигло теперь той ступени, на которой онъ оказывается *вынужденнымъ* прибѣгнуть къ вооруженному возстанію, то мы обязаны притти къ нему на помощь въ этомъ дѣлѣ. Что это, если не та знаменитая «техническая подготовка къ вооруженному возстанію», которую такъ настойчиво рекомендовали намъ въ Стокгольмѣ товарищи Винтеръ и Орловскій?

А кромѣ того, я прошу товарища Мѣшковскаго принять въ соображеніе вотъ что: во всякомъ способѣ дѣйствій и во всякомъ образѣ мыслей должна быть своя логика; если тактика «большевиковъ» всецѣло приспособлена къ рѣшительному «выступленію», а это «выступленіе» даже «большевики» признаютъ теперь, по той или по другой причинѣ, невозможнымъ, то ясно, что вся эта тактика должна быть признана несоотвѣтствующей нынѣшнему положенію дѣлъ. Защищать же эту тактику указаніемъ на то, что сами ея сторонники не рѣшаются говорить теперь о «рѣшительномъ выступленіи» (вооруженномъ возстаніи), т. е. о томъ, что составляетъ ея душу и что одно придаетъ ей нѣкоторый смыслъ, значитъ совершать смертный грѣхъ противъ логики и попадать въ безвыходныя противорѣчія.

Въ такія противорѣчія и попали на лондонскомъ съѣздѣ единомышленники тов. Мѣшковскаго. Вотъ яркій примѣръ. Они не только осудили идею рабочаго съѣзда, но и вообще обнаружили крайнее недовѣріе къ пролетарскому дви-

женію. Въ своемъ первоначальномъ проектѣ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ они признали «*допустимымъ*» участіе членовъ нашей партіи въ широкихъ непартійныхъ рабочихъ организаціяхъ. Не *необходимымъ и желательнымъ,* а только *допустимымъ*! Это могло бы показаться совершенно невѣроятнымъ и совершенно непростительнымъ съ точки зрѣнія соціалдемократа—всѣ надежды котораго всегда должны пріурочиваться къ широкому массовому движенію—если бы мы не знали, что проектъ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ былъ выработанъ людьми, всѣ помыслы которыхъ въ теченіе двухъ-трехъ послѣднихъ лѣтъ сосредоточивались на «рѣшительномъ выступленіи». Рѣшительное выступленіе предполагаетъ, какъ мы знаемъ, что народъ уже достигъ очень высокой ступени революціоннаго сознанія; а если народъ уже достигъ такой ступени, то руководители его движенія могутъ уже не развлекать своего вниманія и не разбивать своихъ усилій участіемъ въ безпартійныхъ рабочихъ организаціяхъ.

Конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ такое участіе все-таки можетъ оказаться полезнымъ; поэтому его нужно *допустить.* Настоятельной же необходимости въ немъ нѣтъ, и потому можно и должно *ограничиться признаніемъ его допустимости.* Какъ видимъ, тутъ въ самомъ дѣлѣ есть своя логика. Одна ошибка логически ведетъ за собой другую: люди, считающіе уже рѣшенной ту задачу, которую только еще надлежитъ рѣшить, не могутъ не пренебрегать тѣмъ сред-

ствомъ, которое, вмѣстѣ съ другими средствами воздѣйствія на массу, должно вести къ ея рѣшенію. Кто говоритъ А, тотъ долженъ сказать также и Б, гласитъ нѣмецкая поговорка.

Если же кто-нибудь находитъ, что говорить А не слѣдуетъ, тогда ему незачѣмъ говорить и Б. «Большевики», если вѣрить т. Мѣшковскому, не находятъ нужнымъ говорить А и даже удивляются, когда имъ напоминаютъ объ этой буквѣ. Но если это такъ, то совершенно непонятно, зачѣмъ они въ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ сказали Б; зачѣмъ они поставили себя въ такое отношеніе къ широкимъ рабочимъ организаціямъ, которое могло бы быть понятнымъ только со стороны заговорщиковъ, убѣжденныхъ въ томъ, что пришла пора «рѣшительнаго выступленія». *)

Не трудно было бы показать, что и всѣ остальныя тактическія ошибки «большевиковъ» естественно вытекаютъ изъ указанной мною выше основной ихъ ошибки. Но это была бы цѣлая работа, за которую я не могу взяться въ этомъ предисловіи. Остановлюсь только на отношеніи «большевиковъ» къ буржуазнымъ партіямъ и къ «отвѣтственному министерству».

Если предположить, что уже исчезли всѣ тѣ предразсудки народа, которые мѣшаютъ ему разо-

---

*) На съѣздѣ проектъ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ измѣненъ былъ, между прочимъ, въ томъ смыслѣ, что слово: *допустимо* замѣнили словомъ: *желательно*. Разумѣется, это сдѣлано было по настоянію «меньшевиковъ».

рвать сковывающія его цѣпи рабства; если проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, что совсѣмъ уже близко время диктатуры «пролетаріата и крестьянства», то станетъ ясно, что соціальная демократія не можетъ относиться къ «партіи народной свободы» иначе, какъ *отрицательно*: вѣдь, кадеты по необходимости—въ силу инстинкта самосохраненія представляемыхъ ими классовъ — примкнутъ тогда къ *«реакціонной массѣ»* и будутъ всѣми силами поддерживать правительство. Стало быть, достаточно допустить, что задача уже рѣшена, чтобы вполнѣ и сознательно одобрить резолюцію, принятую на нашемъ послѣднемъ съѣздѣ по вопросу объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ. Но какъ долженъ смотрѣть на эту резолюцію человѣкъ, понимающій, что задача не рѣшена, а только еще ждетъ отъ насъ своего рѣшенія? Если этотъ человѣкъ способенъ думать логично, то онъ скажетъ, что ходъ развитія нашей общественной жизни еще не поставилъ нашихъ либераловъ за одну скобку съ реакціонерами; что между тѣми и другими еще неизбѣжна борьба, и что партія пролетаріата *обязана* воспользоваться этой неизбѣжной борьбою въ интересахъ своего собственнаго дѣла. А именно это и говорятъ «меньшевики» и именно потому, что они говорятъ это, они осуждаютъ лондонскую резолюцію объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ, *какъ несвоевременную и потому несостоятельную*.

На недавнемъ штутгартскомъ международномъ съѣздѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ

русскимъ рабочимъ делегатомъ, придерживающимся «большевистскаго» образа мыслей. «Я не понимаю, какъ могутъ соціалдемократы входить въ соглашенія съ кадетами—сказалъ онъ мнѣ—въ нашемъ городѣ къ кадетской партіи принадлежатъ многіе предприниматели, а вѣдь интересы предпринимателей противоположны интересамъ рабочихъ». Я отвѣчалъ ему: «У васъ два врага. Разумная тактика требуетъ отъ васъ, чтобы вы сначала сосредоточили свои силы на одномъ изъ нихъ и, разбивъ его, устремились на другого. Такъ поступалъ всегда мастеръ въ дѣлѣ рѣшенія тактическихъ задачъ, Наполеонъ первый. На кого же вы должны напасть прежде? Очевидно, на правительство. Сосредоточивайте же противъ него свои силы. Но правительство—этотъ врагъ, который прежде другихъ долженъ быть разбитъ вами—встрѣчаетъ и до поры до времени будетъ встрѣчать противодѣйствіе со стороны кадетовъ. Это значитъ, что ваши враги пока еще ссорятся также и между собою. Разумная тактика требуетъ отъ васъ, чтобы вы, сосредоточивая свои силы противъ правительства, использовали въ интересахъ *революціи* ту *оппозицію*, которую пока еще дѣлаетъ ему «партія народной свободы». А вы боитесь этого, какъ измѣны; вопреки здравому смыслу, вы стараетесь помирить другъ съ другомъ вашихъ, пока еще ссорящихся между собою, враговъ и, потому, воображая себя вѣрными хранителями революціонныхъ принциповъ, вы наносите серьезный вредъ революціи». Мой собесѣдникъ ничего не

возразилъ мнѣ на это. Но мнѣ показалось, что онъ не безъ удивленія услыхалъ о возможности существованія такой точки зрѣнія, которая, отнюдь не переставая быть революціонной, позволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть новыя стороны вопроса, остающіяся совершенно недоступными для прямолинейной логики «большевизма».

Когда мы говоримъ о соглашеніи нашей партіи, напримѣръ, съ кадетами, то насъ часто понимаютъ въ томъ смыслѣ, что мы обнаруживаемъ желаніе послужить буржуазіи силами пролетаріата. Но это—совершеннѣйшій вздоръ, показывающій, насколько мало понимаютъ наши критики какъ насъ, такъ и все современное положеніе дѣлъ въ Россіи. На самомъ дѣлѣ рѣчь можетъ итти, наоборотъ, только о томъ, чтобы заставить буржуазную оппозицію послужить революціоннымъ цѣлямъ пролетаріата.

Временные союзники рабочаго класса должны быть его орудіями въ дѣлѣ разрушенія стараго порядка. А на *орудія* нельзя смотрѣть иначе, какъ *съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія цѣли.* Но вопросъ объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ рѣже всего разсматривается у насъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности; его подаютъ обыкновенно подъ соусомъ нравственнаго негодованія на то, что буржуа—не пролетаріи и кадеты не революціонеры.

По вопросу объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ существуетъ разногласіе не только между нами и «большевиками», но также и между нами и, напримѣръ, Парвусомъ или Розой Люк-

сембургъ. Такихъ людей, какъ Парвусъ или Роза Люксембургъ нельзя не отнести къ числу несомнѣнныхъ марксистовъ. И все-таки они расходятся съ нами, тоже стоящими на точкѣ зрѣнія марксизма. Эти споры между марксистами вызываютъ иногда скептическія хихиканья на счетъ самого марксизма. Однако, подобныя хихиканья не имѣютъ подъ собой никакого серьезнаго основанія. *Марксизмъ есть безошибочный методъ изслѣдованія общественныхъ явленій.* Но этимъ методомъ пользуются *люди*, а *людямъ свойственно ошибаться.* То, что говорила на нашемъ съѣздѣ Роза Люксембургъ объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ, является однимъ изъ яркихъ и поучительныхъ образчиковъ *ошибочнаго примѣненія безошибочнаго метода.* Только и всего.*)

Большая цитата, приведенная мною въ короткой рѣчи, посвященной этому предмету**), окончательно рѣшаетъ вопросъ о томъ, какъ

---

*) О Розѣ Люксембургъ надо, впрочемъ, замѣтить, что она въ своихъ сужденіяхъ ошибается подчасъ не потому, что она *плохо пользуется методомъ Маркса*, а потому, что ей случается *вовсе отказаться* отъ методическаго мышленія и руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ простыми аффектами. На мангеймскомъ съѣздѣ германской партіи она объявила анархо-соціалистовъ *оппозиціей слѣва.* Послѣ этого нельзя удивляться и тому, что она считаетъ позицію „большевиковъ" *лѣвой* сравнительно съ нашей. Къ *марксизму* подобные приговоры не имѣютъ никакого логическаго отношенія. Извѣстно, что буржуазные историки интернаціонала до сихъ поръ считаютъ позицію Бакунина *болѣе лѣвой,* нежели позицію Маркса.

**) Плохое состояніе здоровья ни разу не позво-

взглянулъ бы на этотъ предметъ самъ Марксъ. Марксъ былъ убѣжденъ, что буржуазная революція въ Германіи послужитъ непосредственнымъ прологомъ революціи пролетаріата. Онъ смотрѣлъ тогда на будущее Германіи почти такъ, какъ еще недавно смотрѣлъ у насъ Парвусъ на будущее Россіи. Но его взглядъ на отношеніе къ буржуазнымъ партіямъ былъ очень далекъ отъ взгляда Парвуса. Въ вопросѣ объ отношеніи къ этимъ партіямъ Марксъ оказывается *чистѣйшимъ «меньшевикомъ»* avant le mot. И это полезно запомнить тѣмъ, которые подозрѣваютъ «меньшевиковъ» въ ревизіонизмѣ.

Извѣстно, что Бакунинъ отрицательно относился къ требованіямъ *реформъ*, опасаясь, что реформы помѣшаютъ *революціи*. Совершенно такую же утопическую боязнь реформъ проявили на съѣздѣ наши «большевики». Почему они отказались сдѣлать своимъ требованіе *отвѣтственнаго министерства*? Потому, что они боялись, какъ бы эта существенно важная реформа не задержала хода революціи. Они такъ и сказали это. И это опять было бы совершенно непонятной нелѣпостью, если бы эта нелѣпость не дѣлалась понятной въ виду уже много разъ указанной мною коренной ихъ ошибки. Если задача,

---

лило мнѣ на этомъ съѣздѣ *выступить съ докладомъ*. Я могъ только *участвовать въ преніяхъ*, при чемъ мое время было каждый разъ ограничено 15 минутами. Только въ 16-мъ засѣданіи я говорилъ больше часу, такъ какъ съѣздъ имѣлъ исключительную любезность цѣлыхъ три раза „продолжить“ мое время.

подлежащая рѣшенію, уже рѣшена; если «все готово» для *революціи*, то нецѣлесообразно заниматься *реформами*: онѣ могутъ ослабить силу непосредственно предстоящаго революціоннаго взрыва. Но т. Мѣшковскій увѣрялъ насъ, что «большевики» ничего не говорятъ теперь о непосредственно предстоящемъ взрывѣ, т. е. о вооруженномъ возстаніи. Это, очевидно, могло бы произойти *только* потому, что еще не все «готово». А если еще не все «готово» для революціи, то чему же помѣшаетъ реформа? Поди-пойми! Отношеніе къ отвѣтственному министерству, являющееся настоящей услугой Столыпину, составляетъ одно изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ безпомощно путаются «большевики».

Я пишу это предисловіе въ деревнѣ, гдѣ я лишенъ возможности справиться въ источникахъ, вѣренъ ли тотъ *фактъ* изъ жизни Робеспьера, о которомъ я упомянулъ въ 16-мъ засѣданіи и который оспаривался «большевиками». Но дѣло, конечно, не въ единичномъ фактѣ, а въ общемъ характерѣ дѣятельности знаменитаго французскаго революціонера. А что касается ея общаго характера, то всякій, знакомый съ нею, согласится признать, что Робеспьеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ даровитыхъ политиковъ, которые всѣмъ существомъ своимъ понимаютъ, что не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. «Лозунги», заслуживавшіе одобренія Робеспьера, всегда были такими «лозунгами», которые представляли собою *логическій выводъ изъ пережитаго народомъ*

революціоннаго опыта. Какъ и всѣ истинные революціонеры, Робеспьеръ предпочиталъ *дѣло слову* *). А вотъ наши *твердо-каменные* прежде всего дорожатъ *словомъ* и съ этой стороны очень напоминаютъ мнѣ раскольничьихъ ревнителей «древняго благочестія». На лондонскомъ съѣздѣ я, бесѣдуя съ однимъ изъ большевистскихъ делегатовъ отъ Урала, спросилъ его: «скажите, пожалуйста, неужели населеніе уральскихъ заводовъ въ самомъ дѣлѣ требуетъ Учредительнаго Собранія?» — «Не то, чтобы Учредительнаго Собранія, отвѣтилъ онъ мнѣ, а такой Думы, которой никто не смѣлъ бы разогнать и которая могла бы сдѣлать все, что она захочетъ». Этому очень легко повѣрить. Но вѣдь такая Дума и есть *полновластная Дума*, предложенная мною въ качествѣ избирательной платформы. «Большевики» отказываются отъ «полновластной Думы» единственно потому, что въ вопросахъ агитаціи они видятъ *прежде всего слова* и, къ сожалѣнію, *только слова*. Они забываютъ — и этого никогда не забывалъ Робеспьеръ — что

Вначалѣ дѣло было!

Хотѣлось мнѣ сказать нѣсколько прочувствованныхъ словъ и насчетъ принятой на лондонскомъ съѣздѣ резолюціи объ отношеніи партіи къ профессіональнымъ союзамъ, но у меня нѣтъ

*) Въ своихъ запискахъ г-жа Роланъ обвиняетъ его въ скептическомъ отношеніи къ республиканской идеѣ. Надо думать, что Робеспьеръ просто не хотѣлъ раньше времени произносить слово: *республика*.

мѣста. А кромѣ того эта резолюція утратила всякое практическое значеніе въ виду резолюціи, недавно принятой въ Штуттгартѣ съ моей поправкой.

Г. Плехановъ.

P. S. Въ приложеніи я помѣщаю резолюцію Московскаго окружного комитета, вызывавшую столько шуму въ 16-мъ засѣданіи. Читатель увидитъ, можно ли отнести ее къ Булыгинской Думѣ. «Большевики» сами себя не узнали. Это совсѣмъ плохой признакъ!

P. P. S. Излишне прибавлять, что совершенно неоснователенъ упрекъ въ синдикализмѣ, кинутый въ 16 засѣданіи т. Хрусталеву «большевиками», обидѣвшимися на меня за указаніе на родство ихъ взглядовъ со взглядами *синдикалистовъ*. Въ дѣятельности т. Хрусталева не было ничего похожаго на синдикализмъ. А что между «большевизмомъ» и синдикализмомъ или анархо-соціализмомъ есть много общаго, это доказывается нерѣдкими теперь случаями перехода «большевиковъ» въ ряды анархистовъ.

Вступительная рѣчь.

Плехановъ. Товарищи! Ц. К. нашей партіи поручилъ мнѣ открыть нынѣшній съѣздъ, первый *всероссійскій* съѣздъ. Съ удовольствіемъ исполняя это, чрезвычайно лестное для меня, порученіе, я прежде всего поблагодарю васъ за тѣ проявленія симпатіи, съ которыми вы меня встрѣтили. Эти проявленія особенно тронули меня потому, что, какъ мнѣ показалось, они отчасти шли отъ тѣхъ, съ которыми мнѣ пришлось, въ теченіе послѣдняго года, сломать не одно копье по тактическимъ вопросамъ. Они даютъ мнѣ основаніе думать, что у насъ все таки живо сознаніе взаимной нашей связи, сознаніе того, что мы стоимъ подъ однимъ знаменемъ, подъ краснымъ знаменемъ пролетаріата. Что между нами существуютъ большія разногласія, это неоспоримо; но мы все-таки должны сдѣлать попытку столковаться, а для того, чтобы столковаться, намъ необходимо разсмотрѣть спорные вопросы спокойно, sine ira et studio. И это облегчается для насъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нашей партіи почти совсѣмъ нѣтъ *ревизіонистовъ*.

Россійскій пролетаріатъ стонетъ подъ двойнымъ игомъ деспотизма и капиталистической

эксплуатаціи. Эта истина одинаково хорошо сознается, я думаю, каждымъ изъ насъ. Но одной этой истины недостаточно для яснаго пониманія нашихъ задачъ. Уже въ 1889 г. на парижскомъ международномъ соціалистическомъ съѣздѣ я сказалъ, что наше освободительное движеніе восторжествуетъ какъ движеніе пролетаріата или совсѣмъ не восторжествуетъ. И событія подтверждаютъ мои слова. Но силъ одного пролетаріата недостаточно для рѣшительной побѣды въ предстоящей намъ буржуазной революціи. Пролетаріату необходимы союзники. *Какіе именно?* Я не хочу здѣсь сейчасъ рѣшать этотъ вопросъ, его рѣшитъ съѣздъ. Но что союзники необходимы, это сознаютъ всѣ и это уже большой шагъ впередъ въ смыслѣ соглашенія между нами. Будемъ же разсуждать спокойно, чтобы наша партія стала послѣ съѣзда болѣе единой, чѣмъ до него. Я привѣтствую представителей національныхъ организацій, впервые присутствующихъ на нашемъ съѣздѣ съ рѣшающими голосами, и приглашаю васъ, товарищи, приступить къ занятіямъ.

Да здравствуетъ россійскій, да здравствуетъ международный пролетаріатъ!

Да здравствуетъ соціалистическая революція!

4-ое засѣданіе.

Плехановъ. Товарищи! Наши противники утверждаютъ, что если мы отказываемся отъ выработки здѣсь, на съѣздѣ, такъ называемыхъ ими теоретическихъ положеній, то это происходитъ потому, что мы боимся встрѣтиться съ ними въ области теоріи. Я полагаю, что исторія нашихъ взаимныхъ отношеній должна была бы показать нашимъ противникамъ, что мы люди не робкіе и что у насъ нѣтъ никакого основанія чувствовать страхъ передъ ними.

Однажды Бисмаркъ, споря съ Либкнехтомъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, сказалъ: «Мы, нѣмцы, никого не боимся, кромѣ бога!» Либкнехтъ ему отвѣтилъ: «А мы, соціалдемократы, не боимся даже и бога!» Мы, россійскіе соціалдемократы меньшевики, еще безстрашнѣе: мы не боимся не только бога, но даже и товарищей-большевиковъ, которые страшнѣе бога (Аплодисменты).

Что касается лично меня, о которомъ тоже говорили наши противники, то я пріѣхалъ на съѣздъ, не смотря на плохое состояніе здоровья не потому, что я избѣгаю встрѣчи съ товарищами-большевиками, а потому, что я люблю встрѣчаться лицомъ къ лицу со своими противниками. Повторяю, мы васъ ни сколько не боимся, товарищи, хотя вы и хотите запугать насъ,

крича, что если не будутъ выработаны желательныя для васъ теоретическія указанія, то пролетаріатъ будетъ имѣть право обвинять насъ въ измѣнѣ. Это сильно, но слишкомъ неосновательно, чтобы на этомъ останавливаться. Если бы мы хотѣли избѣжать обсужденія руководящихъ принциповъ, если бъ мы хотѣли отступать отъ васъ, то намъ выгоднѣе всего было бы отступить въ безплодныя пустыни отвлеченныхъ разсужденій. Но мы не хотимъ затеряться въ этихъ пустыняхъ и потому говоримъ вамъ: при обсужденіи каждаго отдѣльнаго вопроса поднимайтесь на всю достижимую для васъ теоретическую высоту, но не вдавайтесь въ отвлеченности. Вѣдь именно эти отвлеченности, эти абстрактные споры насъ и поссорятъ и мы не исполнимъ воли пославшихъ насъ, какъ выразился предыдущій ораторъ. Именно распри изъ-за отвлеченностей были бы измѣной тѣмъ людямъ, которые послали васъ сюда, товарищи-большевики! (Крики справа: не «люди» — «товарищи»!) Ну, да! товарищи. Но вѣдь и товарищи — тоже люди!

То, что вы называете выработкой теоріи, уподобило бы насъ англійскому парламенту XVII вѣка, вырабатывавшему и принимавшему большинствомъ голосовъ англійскій prayer book, т. е. молитвенникъ. Политическая партія такими дѣлами заниматься не можетъ.

Насъ обвиняютъ въ ревизіонизмѣ. Но ревизіонисты утверждаютъ, что ссылки на теорію Маркса безполезны, мы же стараемся всѣ кон-

кретные политическіе вопросы разбирать во всеоружіи Марксовой теоріи. Это, какъ видите, большая разница.

Здѣсь говорятъ, что спорить о государственной Думѣ—значитъ спорить о «мнимой величинѣ». Государственная Дума—мнимая величина?! Но вѣдь въ Думѣ засѣдаетъ т. Алексинскій. Неужели онъ тоже мнимая величина? (Смѣхъ). А наша избирательная кампанія? Неужели и она представляетъ собою мнимую величину? Нѣтъ, товарищи!

Конечно, права Думы—напримѣръ, ея бюджетное право—могутъ быть названы мнимыми. Но вѣдь это надо еще *показать народу*, а показать ему это можно только *путемъ опыта*, ради котораго намъ необходимо поддерживать Думу въ ея столкновеніяхъ съ правительствомъ. Дума стала фактомъ, съ которымъ мы не можемъ не считаться!

Думу, эту «мнимую величину», могутъ не сегодня-завтра разогнать и тогда она станетъ нулемъ. Но мы не можемъ относиться къ этому безразлично. Намъ придется опредѣлить, какъ намъ отнестись къ разгону Думы, какъ намъ отвѣтить на ея разгонъ. Тов. Ленинъ сказалъ: наши западные товарищи прониклись бы большимъ уваженіемъ къ намъ, если бы услышали, что мы занимаемся выработкой теоретическихъ положеній. Совершенно напротивъ!

Западные товарищи съ изумленіемъ пожали бы плечами и сказали бы: «Странные люди эти

россіяне! Дѣла у нихъ непочатый уголъ, а они, подобно средневѣковымъ схоластикамъ, тратятъ время на безплодные споры о томъ, сколько ангеловъ можетъ помѣститься на концѣ булавочной головки». И это не потому, что наши западно-европейскіе товарищи относятся отрицательно къ теоретическимъ спорамъ. Ничуть не бывало! Нѣкоторые изъ нихъ поднимаются въ своихъ спорахъ на гораздо большую высоту, чѣмъ многіе и многіе изъ нашихъ товарищей. Но они умѣютъ въ то же время ставить свои споры на конкретную почву. А у насъ именно этого то и не вышло бы, если бы мы приняли ваше предложеніе.

Кстати о Ленинѣ. Онъ приписалъ мнѣ слѣдующее разсужденіе: такъ какъ у насъ совершается буржуазная революція, то мы должны заключить союзъ съ буржуазіей. Я, открывая съѣздъ, сказалъ не такъ. Я сказалъ вотъ что: силъ одного пролетаріата недостаточно для рѣшительной побѣды надъ реакціей; ему нужны союзники. И нашъ съѣздъ долженъ будетъ рѣшить, гдѣ ему слѣдуетъ искать союзниковъ. Я категорически заявилъ, что, открывая съѣздъ, я считаю преждевременнымъ высказывать свой собственный взглядъ на этотъ вопросъ. Такимъ образомъ т. Ленинъ совершенно извратилъ смыслъ сказаннаго мною. А что намъ придется толковать здѣсь о союзникахъ, это знаете вы всѣ и тутъ я былъ совершенно неоспоримо правъ! (Аплодисменты).

16-ое засѣданіе.

Плехановъ. Товарищи! Я уже говорилъ вамъ, что я пріѣхалъ на съѣздъ больнымъ. При другихъ обстоятельствахъ я совсѣмъ не взялъ бы слова; но я вынужденъ говорить по двумъ причинамъ. Во первыхъ, ораторы, критиковавшіе думскую фракцію, бросили нѣсколько упрековъ также и въ мою сторону. Я долженъ возразить имъ. Однако не бойтесь, я не буду касаться вещей, имѣющихъ личный характеръ; я останусь на принципіальной почвѣ. Во вторыхъ—и это самое главное—сегодня у насъ историческое засѣданіе, и если бы я лежалъ на смертномъ одрѣ, то я и тогда считалъ бы себя обязаннымъ говорить, чтобы предупредить васъ отъ страшной ошибки, которую нѣкоторые изъ васъ собираются здѣсь совершить.

Я уже сказалъ, что буду держаться принципіальной почвы. Но прежде чѣмъ взглянуть съ точки зрѣнія принципа на вопросъ, занимающій и раздѣляющій насъ, я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній частнаго характера.

Вопросъ о народовой демократіи не есть принципіальный вопросъ, какъ справедливо замѣтилъ здѣсь т. Куявскій. Если бы наши польскіе товарищи своевременно снеслись на этотъ счетъ съ нашей фракціей, то она, конечно;

охотно приняла бы къ руководству ихъ указанія. Но они этого не сдѣлали, и винить за это нашу фракцію едва ли основательно.

Что народовая демократія организовала гражданскую войну среди польскаго пролетаріата; что она проливала кровь польскихъ пролетаріевъ, это знаемъ мы всѣ, безъ различія фракцій, и точно также всѣ, безъ различія фракцій, мы одинаково возмущаемся этимъ. Стало быть, тутъ мы съ вами спорить не станемъ; тутъ мы согласимся съ тѣмъ, что нашей фракціи лучше было бы, пожалуй, воздержаться отъ парламентскихъ сношеній съ народовой демократіей. Но, повторяю, т. Куявскій справедливо замѣтилъ, что вопросъ этотъ имѣетъ лишь второстепенную или даже третьестепенную важность.

Не имѣетъ принципіальнаго значенія и тотъ вопросъ, который поднялъ здѣсь тов. Либеръ. Признаюсь мнѣ тоже было жаль, что запросъ о сѣдлецкомъ погромѣ сдѣланъ былъ народовцами, а не соціалдемократами. Тутъ со стороны нашей фракціи было, пожалуй, нѣкоторое упущеніе, но отчего произошло оно? Нашего брата великоросса, знающаго другіе виды гнета, но не испытавшаго *національнаго* гнета, можно было бы—допустимъ это—не безъ нѣкотораго основанія заподозрить въ недостаточно внимательномъ отношеніи къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ проявляется этотъ послѣдній. Но наша фракція состоитъ не только изъ великороссовъ: въ ней есть грузины, армяне, латыши и евреи. А въ центральномъ комитетѣ, постоянно *сносившемся* съ

нашей фракціей, былъ и представитель Бунда. Я полагаю, что никого изъ *этихъ* товарищей нельзя заподозрить въ равнодушномъ отношеніи къ тому гнету, который давитъ ихъ національности. И если, не смотря на это, фракція все таки упустила случай сдѣлать запросъ о сѣдлецкомъ погромѣ, то ясно, что нельзя обвинять ее въ подобномъ равнодушіи. Тутъ опять былъ лишь нѣкоторый промахъ, на который слѣдуетъ по товарищески обратить вниманіе, но въ виду котораго нѣтъ основанія горячиться. Не такіе вопросы вызываютъ споры между нами; не такіе вопросы раздѣляютъ насъ. Наши товарищи вполнѣ могли бы поступить такъ, какъ этого хотѣлось бы т. Либеру, ни мало не отказываясь при этомъ отъ своихъ тактическихъ взглядовъ. Въ этомъ, я надѣюсь, никто не сомнѣвается. Вѣдь главное дѣло въ томъ, что ораторамъ, нападавшимъ на нашихъ товарищей во фракціи, не нравятся ихъ тактическіе взгляды. Стало быть, тутъ и заключается настоящая суть нашего спора.

Тактическіе взгляды нашихъ товарищей называютъ оппортюнистическими. Правильно ли это? Въ нихъ нѣтъ и слѣда оппортюнизма.

Здѣсь я, вполнѣ раздѣляющій эти взгляды, вижу себя вынужденнымъ сдѣлать два замѣчанія по адресу т. Тышки. Товарищъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что мы имѣемъ претензію быть единственными марксистами въ партіи. Намъ чужда подобная претензія. Но само собою разумѣется, что когда мы встрѣчаемся съ такъ наз. критиками Маркса, то мы не можемъ при-

числять ихъ къ лагерю марксистовъ. Вѣдь и т. Тышко не рѣшится назвать марксистами, напримѣръ, эмпиріо-монистовъ (смѣхъ на лѣвой сторонѣ).

Въ своей рѣчи т. Тышко, обращаясь ко мнѣ, напомнилъ о томъ времени, когда я боролся съ жоресизмомъ и возставалъ противъ Милльерана. Онъ отзывался съ большой похвалой о статьяхъ, написанныхъ мною въ то время. Я благодарю его за комплиментъ. Но если за этимъ комплиментомъ скрывается тонкій намекъ на то, что я теперь отказался отъ моихъ тогдашнихъ взглядовъ, то т. Тышко очень ошибается. Я стою теперь на той самой точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ тогда, когда боролся съ жоресизмомъ. Тому, кто находитъ это страннымъ, тому, кто думаетъ, что только жоресистъ могъ притти къ моему взгляду на наши задачи по отношенію къ Думѣ и къ буржуазнымъ партіямъ, я напомню о вожакѣ французскихъ марксистовъ, Жюлѣ Гэдѣ. На парижскомъ международномъ съѣздѣ я вмѣстѣ съ нимъ боролся противъ жоресизма. И тотъ же самый Жюль Гэдъ вполнѣ одобряетъ теперь мои тактическіе взгляды. Что же? Скажутъ ли мои противники, что Жюль Гэдъ тоже сталъ жоресистомъ?

Одинъ изъ товарищей сказалъ здѣсь: «Плехановъ теперь не тотъ, что былъ прежде». И я знаю, что многіе изъ присутствующихъ на съѣздѣ раздѣляютъ это мнѣніе; я увѣренъ, что многіе изъ нихъ тоже готовы сказать обо мнѣ: «Былъ конь да изъѣздился». И я, конечно, изъѣздился

въ извѣстномъ отношеніи. Прежде я былъ здоровъ, а теперь мое здоровье очень расшатано. Но что касается моихъ политическихъ взглядовъ, то я остаюсь и, конечно, останусь такимъ же, какимъ я былъ съ тѣхъ самыхъ поръ, когда сложились мои соціалдемократическія убѣжденія. Въ этомъ вы можете быть увѣрены. Но странное дѣло! Чуть ли не съ тѣхъ же самыхъ поръ, какъ сложились мои соціалдемократическія убѣжденія, я сталъ слышать отъ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей упреки въ томъ, что я не вѣренъ имъ; чуть ли не съ тѣхъ же самыхъ поръ вокругъ меня раздается неодобрительный ропотъ: «Плехановъ уже не тотъ, Плехановъ измѣнился!» Приведу наиболѣе пикантные примѣры. Во время голода 1891 года я написалъ въ одной изъ своихъ статей, что наши соціалдемократы должны выставлять требованіе широкой государственной помощи голодающимъ крестьянамъ. Это огорчило часть тогдашнихъ нашихъ соціалдемократовъ. Они опасались, что если голодные крестьяне будутъ накормлены, то остановится развитіе у насъ капитализма, и они строго осудили мою непредусмотрительность, рѣшивъ, что я «уже не тотъ», что былъ прежде (смѣхъ). Потомъ явились экономисты. Эти тоже находили, что я отсталъ отъ движенія и въ доказательство приводили мой взглядъ на политическую борьбу. Они упрекали меня въ томъ, что я хочу будто бы «взять самодержавіе на уру». Кто скажетъ теперь, что этотъ упрекъ былъ основателенъ? Вѣдь теперь противъ меня выдви-

гается какъ разъ противоположное обвиненіе: теперь часть товарищей сердится на меня за то, что я недостаточно громко кричу «ура!» при нападеніи на самодержавіе. Но и этотъ упрекъ тоже неоснователенъ. Я совсѣмъ не прочь крикнуть «ура!» Но я думаю, что и это надо дѣлать умѣючи, т. е. *кстати*. А когда люди кричатъ «ура!» не кстати, то получаются очень плохія послѣдствія. Вспомните генерала Реада, воспѣтаго Толстымъ:

А Реадъ возьми да спросту
Поведи насъ прямо къ мосту
Ну-ка на ура!

Вы знаете, что вышло:

Вотъ ура мы зашумѣли
Да резервы не поспѣли.

Я нахожу, что товарищи большевики усвоили себѣ тактическіе взгляды генерала Реада и дѣйствительно отказываюсь «шумѣть ура!» по ихъ приглашенію, но это вовсе не значитъ, что я «уже не тотъ»: я вообще никогда не раздѣлялъ тактическихъ взглядовъ генерала Реада. Нѣкоторые большевики причисляютъ меня къ числу «кадетообразныхъ соглашателей». Какое же соглашеніе имѣютъ они въ виду? Очевидно, соглашеніе съ абсолютизмомъ. Но вѣдь это же чистѣйшая нелѣпость! Развѣ я, развѣ мои товарищи-меньшевики заикались когда-нибудь о подобномъ соглашеніи (крикъ справа: «было»). Товарищъ! Вы кричите: «было!» и я увѣренъ, что вы совершенно искренни. Та старушка, которая подложила вязанку дровъ въ костеръ, сжи-

гавшій Гуса, тоже была совершенно искрення, и мнѣ, подобно Гусу, остается только воскликнуть: «святая простота!» Люди, не отличающіеся такой простотой, понимаютъ, что для насъ рѣчь идетъ не о соглашеніи съ царизмомъ, а о способахъ наиболѣе успѣшной *борьбы* съ нимъ.

Но довольно обо мнѣ. Товарища Дана горько упрекнули здѣсь въ томъ, что онъ пилъ кадетскій чай. Въ томъ же упрекали тов. Церетели и Джапаридзе. Это, конечно, большое преступленіе, и я, слѣдуя правилу: amicus Plato, sed magis amica veritas, поспѣшилъ спросить ихъ «Какъ же вы могли поступить такъ?» Но товар. Джапаридзе возразилъ мнѣ, что за каждый стаканъ этого несчастнаго чая съ нихъ было взыскано по пяти копѣекъ. Принимая во вниманіе, что въ нынѣшнемъ обществѣ имѣетъ значеніе не столько вещество товара, сколько его мѣновая стоимость, выходитъ, что чай-то они пили какъ будто свой собственный. Однако, я еще болѣе непримиримъ, нежели тов. П. Ал. Я говорю имъ: «Положимъ, что чай былъ въ самомъ дѣлѣ вашъ собственный. Но вѣдь пили то вы его изъ кадетскихъ стакановъ. А развѣ это позволительно? Если вы хотите соблюсти вѣрность принципамъ, то вамъ слѣдуетъ всюду ходить, подобно раскольникамъ, со своей собственной посудой». Я надѣюсь, что меня одобрятъ товарищи справа. (Крики справа: «Это не серьезно!») Конечно, нѣтъ! Но я не виноватъ въ томъ, что чай—этотъ пріятный напитокъ—далъ вамъ поводъ для такихъ нападеній на нашу фрак-

цію, которыя, очевидно, казались вамъ вполнѣ серьезны. Я дѣйствительно смѣюсь, но смѣюсь потому, что ваша такъ называемая критика представляетъ собою не критику, а то, что нѣмцы называютъ Nörgelei.

Товарищи! на нашихъ глазахъ совершилось событіе огромной исторической важности Въ лицѣ соціалдемократическихъ депутатовъ россійскій пролетаріатъ впервые открыто выступилъ на сцену парламентской борьбы. Мнѣ трудно описать то радостное волненіе, съ которымъ я читалъ, напримѣръ, первую рѣчь т. Церетели. И кто знаетъ? Можетъ быть, подобное же волненіе испытывали и многіе изъ васъ, товарищи, сидящіе здѣсь на правой сторонѣ. Но когда соціалдемократическая фракція приходитъ къ вамъ съ отчетомъ о своей дѣятельности, вы забываете объ ея огромныхъ заслугахъ и награждаете ее лишь мелочными упреками! Вы берете въ серьезъ доводы, выдвинутые противъ нея т. П. Ал. Тутъ происходитъ нѣчто, заставляющее вспомнить рѣчь Марка Антонія у Шекспира. Юлій Цезарь сдѣлалъ то-то и то-то, онъ былъ великій человѣкъ, но Брутъ сказалъ: «онъ былъ честолюбивъ, а Брутъ, извѣстно, честный человѣкъ!» Такъ и у насъ. Наша фракція имѣетъ за собой множество заслугъ; но тов. П. Ал. сказалъ, что она пропитана духомъ оппортюнизма, а тов. П. Ал., извѣстно, крайній революціонеръ; онъ хорошій судья въ этихъ вопросахъ. И вы слушаете т. П. Ал.; вы серьезно спрашиваете себя: можемъ ли мы, не измѣняя

принципамъ революціонной соціалдемократіи, одобрить дѣятельность нашей фракціи. Это поистинѣ не вѣроятно.

Въ чемъ состоитъ мнимая вина фракціи? Говорятъ: она не изложила въ Думѣ нашей программы. Но наша программа была изложена нашими представителями уже въ первой Думѣ. Излагать ее во второй разъ значило бы вдаваться въ неумное и потому скучное повтореніе. И такое повтореніе было тѣмъ менѣе умѣстно, что нужно было прежде всего дать надлежащій отпоръ представителю стараго порядка. Въ отвѣтъ на рѣчь Столыпина надо было говорить не объ отношеніи пролетаріата къ буржуазіи, не о нашей конечной цѣли, а о томъ, что сознательный пролетаріатъ непримиримъ въ своемъ отношеніи къ старому порядку; о томъ, что онъ борется и будетъ бороться съ нимъ не на животъ, а на смерть. Такъ и поступилъ Церетели и, конечно, очень хорошо сдѣлалъ.

Нашихъ товарищей упрекаютъ далѣе въ томъ, что они въ Думѣ охотно опираются на законную почву. Но на что же прикажете опираться имъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы разоблачить лицемѣрное законолюбіе Столыпина? Наши большевики смотрятъ на *законъ* глазами анархистовъ. Они боятся слова: законъ. Мы его не боимся. Мы знаемъ, что всякій законъ, хоть отчасти полезный для пролетаріата, завоевывается путемъ жестокой борьбы, и мы находимъ, что нелѣпо пренебрегать подобными завоеваніями.

Какъ расходятся съ нами въ этомъ случаѣ

товарищи большевики, видно изъ слѣдующаго. Въ резолюціи, принятой московскимъ, какъ извѣстно, большевистскимъ окружнымъ комитетомъ по поводу Государственной Думы, сказано: «Признавая, что всякая легальная дѣятельность въ Думѣ можетъ совершаться лишь въ предѣлахъ служенія реакціи, мы будемъ разсматривать всякую попытку работы въ предѣлахъ положенія о Государст. Думѣ, какъ заговоръ противъ народа и революціи». (Громкіе и продолжительные крики справа: «Это не вѣрно!» «Вы сами сочинили эту резолюцію!» «Эта резолюція была принята по поводу Булыгинской Думы!» Предсѣдатель тщетно старается возстановить спокойствіе. Обращаясь къ нему, ораторъ говоритъ: «Дайте имъ покричать; когда они кончатъ, я буду продолжать».) Вы говорите, что я самъ сочинилъ эту резолюцію, (показывая резолюцію присутствующимъ). Вотъ она, эта резолюція. Скажите также, что я не только сочинилъ ее, но и гектографировалъ. Но вы сами не вѣрите тому, что говорите. А что касается крика: «Эта резолюція была принята названнымъ комитетомъ по поводу Булыгинской Думы», то вѣдь онъ вовсе не опровергаетъ меня. Резолюція утверждаетъ, что *всякая* легальная дѣятельность въ Думѣ есть заговоръ противъ народа и революціи. А это чистѣйшій анархизмъ, независимо отъ того, когда именно была принята эта резолюція. И этотъ-то анархизмъ выразился здѣсь въ томъ упрекѣ, что Церетели и другіе наши товарищи въ Думѣ слишкомъ охотно становятся на законную почву.

Утверждаютъ далѣе, что наша фракція, требуя парламентской анкеты, должна была изложить и тѣ тактическія соображенія, которыя побуждаютъ ее выставлять такое требованіе. Но и это пустяки. Для насъ самихъ, конечно, важно знать, почему именно мы выставляемъ въ Думѣ то или другое требованіе. Но нѣтъ рѣшительно никакой надобности говорить депутатамъ другихъ партій: мы требуемъ этого потому, что таковъ характеръ нашей тактики. Депутатамъ другихъ партій нѣтъ до этого «*потому что*» ровно никакого дѣла.

Вы, какъ видно, хотите, чтобы наши думскіе товарищи уподоблялись въ своихъ рѣчахъ тому плохому трагическому актеру, который долженъ былъ воскликнуть:

Не подходи ко мнѣ
(съ отвагой),
Не то заколю тебя сею
(шпагой).

и который, заучивъ на память то, что было напечатано въ скобкахъ для собственнаго руководства, громогласно прибавилъ слѣдующія въ скобкахъ слова: «указывая на озеро», т. е. на шпагу. Мы не охотники до такого искусства!

Т. Либеръ былъ правъ, когда сказалъ, что тов. П. Ал. въ своей критикѣ дѣятельности фракціи очень широко размахнулся, а ударилъ совсѣмъ слабо. Когда я прослушалъ до конца рѣчь тов. П. Ал., я подумалъ то же самое, и мнѣ почему-то вспомнилась та купчиха у Островскаго, которая говоритъ своей служанкѣ: «И

всегда ты такъ; сначала напугаешь до смерти, а потомъ скажешь какой-нибудь вздоръ.»

Товарищи большевики продолжаютъ упрекать насъ въ томъ, что мы отклонились отъ преній о текущемъ моментѣ. Мы дѣйствительно сдѣлали это. Я уже имѣлъ случай сказать вамъ, почему мы это сдѣлали. Я уже сказалъ, что это произошло отнюдь не изъ боязни встрѣтиться съ большевиками на теоретической почвѣ. Теперь я прибавлю вотъ что. Пользуясь большинствомъ голосовъ, вы хотѣли заставить съѣздъ принять вашъ революціонный катехизисъ, подобно тому, какъ въ XVII вѣкѣ англійскій парламентъ составлялъ по большинству голосовъ англійскій prayer book, т. е. молитвенникъ. Мы не хотимъ молиться по вашему. У насъ тѣмъ менѣе поводовъ хотѣть этого, что въ сущности вы очень неустойчивы въ своихъ революціонныхъ взглядахъ. (Крики справа: «Ого!») Да, очень неустойчивы! И вотъ вамъ весьма наглядное доказательство.

Теперь вы обвиняете насъ въ томъ, что мы будто измѣнили резолюціямъ, принятымъ нашимъ стокгольмскимъ съѣздомъ. Но тутъ намъ бьютъ челомъ нашимъ же добромъ. Стокгольмскія резолюціи выработаны нами, меньшевиками. И когда мы предлагали ихъ въ Стокгольмѣ, большевики называли ихъ оппортюнистическими. А теперь они находятъ, что это хорошія резолюціи и настойчиво требуютъ отъ насъ вѣрности имъ. Вѣдь если эти резолюціи съ вашей точки зрѣнія хороши, то люди, предложившіе ихъ, не могли быть признаны—съ той же точки зрѣ-

нія—оппортюнистами. Но въ томъ-то и дѣло, что вы измѣнились со времени стокгольмскаго съѣзда.

Въ Стокгольмѣ, возставая противъ бойкотистовъ, мы говорили, что соціалдемократія, въ интересахъ политическаго воспитанія народа, должна планомѣрно использовать всѣ конфликты, возникающіе какъ между правительствомъ и Думой, такъ и внутри самой Думы, въ интересахъ расширенія и углубленія русла революціоннаго движенія. Для этого, говорили мы, ей слѣдуетъ обострять и расширять эти конфликты, стараясь въ каждомъ данномъ случаѣ связывать политическія задачи движенія съ соціально-экономическими требованіями рабочей и крестьянской массы. Составленную въ этомъ духѣ резолюцію объ отношеніи къ Государственной Думѣ большевики громили тогда, какъ недостойную революціоннаго пролетаріата. Теперь они находятъ ее достойной этого же самаго пролетаріата. Ясно, что большевики уже не тѣ, и что они отказались отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ тогдашнихъ заблужденій. Что же касается нашего мнимаго отклоненія отъ этой резолюціи, то оно представляетъ собой чистѣйшій вымыселъ.

Въ Стокгольмѣ я такъ формулировалъ свой взглядъ: «Т. Руденко сказалъ, что въ комиссіи онъ формулировалъ нашъ споръ словами: намъ надо рѣшить, стоитъ ли Дума на столбовой дорогѣ революціи, и что на этотъ вопросъ т. Ленинъ отвѣтилъ: нѣтъ. Это въ самомъ дѣлѣ было такъ. И это хорошо характеризуетъ разни-

цу нашихъ взглядовъ. По нашему, Дума стоитъ на большой дорогѣ революціи. Не слѣдуетъ обходить ее. Ленинъ говоритъ: въ Думѣ много наивныхъ крестьянъ, которые рядомъ съ самыми дѣтскими требованіями выставляютъ радикальное требованіе относительно земли. Это вѣрно; но какъ же отнестись къ этимъ крестьянамъ? Оставить ли ихъ на жертву ихъ политическихъ предразсудковъ, на жертву ихъ политической наивности, или позаботиться о томъ, чтобы въ процессѣ борьбы разрушились эти предразсудки; а позаботиться объ этомъ нельзя, повернувшись спиной къ Думѣ. Газеты разсказывали какъ-то о крестьянахъ, которые говорили своему депутату: «Ты идешь въ Думу, умри же тамъ за наше дѣло, а если измѣнишь намъ, то не возвращайся домой, мы тебя здѣсь убьемъ». Неужели вы не понимаете, что мы обязаны подойти вплотную къ этимъ людямъ, что мы обязаны принять участіе во всѣхъ тѣхъ конфликтахъ, которые они будутъ переживать, и воспользоваться этими конфликтами для развитія ихъ политическаго самосознанія. Когда такіе люди откажутся отъ своей политической наивности, а они откажутся отъ нея въ процессѣ борьбы и благодаря борьбѣ, тогда Дума переростетъ сама себя, и тогда пробьетъ часъ для созыва Учредительнаго Собранія»*).

Я и теперь строго держусь этого взгляда. И если бы вы спросили т.т. Церетели, Джапарид-

---

*) Протоколы Объединит. Съѣзда Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Стр. 247.

зе и другихъ меньшевиковъ-депутатовъ, раздѣляютъ ли они этотъ взглядъ на Государственную Думу, какъ на орудіе политическаго воспитанія народныхъ массъ, то они, безъ всякаго сомнѣнія, сказали бы, что совершенно раздѣляютъ. Мы-то остались такими же, какими были въ Стокгольмѣ, а вотъ т. П. Ал. сильно измѣнился: въ Стокгольмѣ онъ былъ очень горячимъ бойкотистомъ, а теперь онъ, повидимому, совсѣмъ покинулъ идею бойкота. (П. Ал. говоритъ что-то съ своего мѣста). Исторія разберетъ, кто былъ правъ и кто ошибался. Но надо говорить, кто что говорилъ; надо отдать каждому то, что ему принадлежитъ.

Именно потому, что я продолжаю твердо стоять на своей стокгольмской точкѣ зрѣнія, я предложилъ «полновластную Думу» въ качествѣ избирательной платформы. Большевики увидѣли въ этомъ предложеніи новое доказательство моего оппортюнизма, а тов. П. Ал. сказалъ здѣсь, что мою платформу съ презрѣніемъ отвергла либеральная буржуазія. Такъ ли это, тов. П. Ал.? Точно ли съ презрѣніемъ? Почему отвергла либеральная буржуазія мою платформу? Потому что она увидѣла въ ней «псевдонимъ Учредительнаго Собранія», какъ выразился одинъ изъ ея публицистовъ. А какъ относится либеральная буржуазія къ Учредительному Собранію: съ презрѣніемъ или же со страхомъ? Кажется, что именно со страхомъ. Стало быть, и мою платформу, требовавшую Учредительнаго Собранія, хотя бы и подъ псевдонимомъ, буржуазія

отвергла со страхомъ, а не съ презрѣніемъ. Если наша буржуазія боится Учредительнаго Собранія, то тѣмъ хуже для нея.

Мы обязаны разъяснить народу, почему она его боится. И поскольку мы подвинемъ впередъ развитіе его сознанія, ровно постольку мы будемъ дѣйствовать въ духѣ стокгольмской резолюціи. Но вѣдь это значитъ, что я, предложившій лозунгъ: «полновластная Дума», далъ нашимъ практикамъ прекрасный поводъ для воздѣйствія на народъ въ указанномъ резолюціей духѣ. Гдѣ же мой оппортюнизмъ?

Здѣсь то и обнаруживается съ поразительной ясностью правильность сдѣланнаго Аксельродомъ замѣчанія о томъ, что когда мы предаемъ анаѳемѣ кадетовъ, то наша анаѳема еще не имѣетъ обязательной силы въ глазахъ массы.

Большевики, которые хотя и измѣнились со времени стокгольмскаго съѣзда, но еще далеко не усвоили себѣ правильныхъ тактическихъ воззрѣній, дѣлаютъ въ политикѣ ту самую ошибку, которая въ логикѣ называется petitio principii: какъ извѣстно, эта ошибка состоитъ въ томъ, что человѣкъ опирается, какъ на доказанное, на такое положеніе, которое еще надо доказать. Подобно этому тактика большевиковъ *предполагаетъ* въ народѣ такую степень политическаго сознанія, *на которую намъ еще нужно поднять его своей агитаціею.* Русскій крестьянинъ... (Крикъ со скамьи большевиковъ: «вы его не видѣли»). Слушайте, что я говорю! Русскій крестьянинъ не знаетъ, что такое Учредительное Собраніе по

той простой причинѣ, что онъ не изучалъ исторіи великой французской революціи. Его надо еще *привести* къ идеѣ Учредительнаго Собранія, надо сдѣлать эту идею наглядной, такъ сказать, неизбѣжной для него.

Но ему, не знающему, что такое Учредительное Собраніе, легко понять, что такое полновластная Дума, и когда онъ начнетъ борьбу за такую Думу, онъ будетъ созрѣвать и для усвоенія идеи Учредительнаго Собранія, потому что вѣдь и на самомъ дѣлѣ такая Дума, которая имѣла бы *полную власть*, обладала бы властью Уредительнаго Собранія, *была бы таковымъ*. Намъ надо помнить основное положеніе историческаго матеріализма: не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе.

Двинемъ народную массу на такую дорогу, которая ведетъ къ Учредительному Собранію, и ею постепенно уяснится идея такого Собранія.

Вмѣсто того, чтобы говорить революціонныя фразы, старайтесь поставить массу въ такое политическое *положеніе*, которое революціонизировало бы ея политическое *сознаніе*. Въ этомъ вся тайна успѣха.

Марксъ говоритъ гдѣ-то, что тактика французскаго конвента представляетъ собою маякъ, къ которому должны обращаться, во время революціонныхъ бурь, взоры революціонеровъ всѣхъ временъ и народовъ. Онъ имѣлъ въ виду, конечно, тактику монтаньяровъ. Но монтаньяры умѣли подходить къ массѣ. Разсказываютъ, что чуть ли не наканунѣ взятія Тюльери, Робеспьера

спросили, республиканецъ ли онъ. Не желая запугивать своихъ слушателей, еще не окончательно раздѣлавшихся съ монархическимъ предразсудкомъ, онъ осторожно отвѣтилъ: я за самодержавіе народа. (Крикъ справа: «этотъ фактъ не вѣренъ»). Объ этомъ фактѣ, какъ фактѣ, спорить здѣсь неудобно. Поэтому я оставлю и этотъ фактъ и самого Робеспьера, и сошлюсь на человѣка, гораздо болѣе близкаго къ намъ, нежели монтаньяры—на нашего учителя Энгельса. Въ іюнѣ 1887 года Энгельсъ писалъ къ Зорге: «массы учатся только благодаря послѣдствіямъ своихъ собственныхъ ошибокъ». Въ другомъ мѣстѣ (письмо къ Зорге отъ 29 ноября 1886 года) онъ говоритъ: «чтобы развиваться, массы должны имѣть время и возможность, а возможность онѣ получаютъ лишь тогда, когда онѣ имѣютъ свое собственное движеніе, въ которомъ онѣ толкаются впередъ и умудряются опытомъ, благодаря своимъ ошибкамъ и потерямъ».

Въ примѣненіи къ Государственной Думѣ это значитъ, что только опытъ—и именно опытъ съ этой Думой—умудритъ массу и заставитъ ее усвоить себѣ наши политическіе взгляды. Нужно, чтобы народъ увидѣлъ Думу въ ея политическомъ дѣйствіи; необходимо, чтобы онъ пережилъ всѣ конфликты Думы съ правительствомъ. Только тогда онъ будетъ достаточно «умудренъ» опытомъ; только тогда отдѣлается онъ отъ тѣхъ иллюзій, которыя связываются у него съ *нынѣшней* нашей конституціей. Массы учатся только благодаря послѣдствіямъ своихъ собственныхъ

ошибокъ, только посредствомъ опыта. Вы же, большевики, хотите замѣнить для массы этотъ необходимый опытъ революціонной фразеологіей. Вы забываете сказанное тѣмъ же Энгельсомъ о томъ, что въ дѣлѣ революціонной фразеологіи анархисты уже совершили все человѣчески возможное, такъ что намъ нельзя конкурировать съ ними. (Аплодисменты).

Наша тактика, такъ сильно возмущающая васъ, представляетъ собою послѣдовательное примѣненіе основныхъ положеній историческаго матеріализма къ революціонному воспитанію народа. Въ Стокгольмѣ я говорилъ, что Государственная Дума должна послужить орудіемъ народнаго воспитанія, средствомъ выясненія народу того, какою должна быть нужная для него конституція. Мнѣ возражали т.т. Винтеръ и Орловскій. Они говорили, что революціонное воспитаніе народа *уже* закончено; что вооруженное возстаніе представляетъ собою *уже* достигнутую ступень нашего революціоннаго движенія—подлинное выраженіе Винтера—и что оно теперь есть дѣло нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Эти нѣсколько мѣсяцевъ давно прошли, а вооруженнаго возстанія все нѣтъ и нѣтъ. Кто же былъ правъ? Я, или т.т. Винтеръ и Орловскій? Послѣ разгона Думы т. Ленинъ писалъ, что народъ, т. е. широкія массы, еще не доросъ въ массѣ—такъ выразился этотъ товарищъ—до сознательной революціонной дѣятельности къ 1906 году, и что народу еще былъ нуженъ опытъ кадетской Думы. Еще разъ, кто же былъ правъ въ Стокгольмѣ?

Но далѣе тотъ же Ленинъ писалъ, что теперь народъ уже усвоилъ себѣ идею Учредительнаго Собранія и что, въ виду этого, можно назначить вооруженное возстаніе на середину или на конецъ августа. И это наглядно показываетъ, какъ мало понялъ т. Ленинъ тогдашнее настроеніе народа. Все дѣло было въ томъ, что революціонное возстаніе было далеко еще не закончено; что его необходимо было продолжать и продолжать, между прочимъ, также и посредствомъ новой Думы. Т. Ленинъ оказался лжепророкомъ, подобно Винтеру и Орловскому. У насъ, къ сожалѣнію, любятъ пророчествовать, при чемъ пророчествующіе товарищи нисколько не смущаются, когда послѣдующія событія показываютъ, что ихъ пророчества были ложны. Они не похожи на библейскаго пророка Іону, который, разъ оказавшись лжепророкомъ по отношенію къ судьбѣ Ниневіи, почувствовалъ себя, какъ вы знаете, сконфуженнымъ до самой послѣдней степени.

Большевики идутъ по пути революціоннаго авантюризма. Они такъ относятся къ намъ, какъ относилась нѣкогда въ союзѣ коммунистовъ фракція Виллиха-Шаппера къ фракціи Маркса. Виллихъ и Шапперъ требовали немедленнаго «выступленія»; они, по словамъ Маркса, говорили: «мы должны теперь же достичь господства, или намъ не останется ничего дѣлать», а Марксъ указывалъ имъ на неподготовленность нѣмецкаго пролетаріата и обвинялъ ихъ въ томъ, что, подобно демократамъ, они на мѣсто револю-

ціоннаго развитія подставляли революціонныя фразы.

Если бы мы приняли лозунгъ: вооруженное возстаніе, то нашъ народъ не пошелъ бы за нами, а между тѣмъ ваша тактика имѣла бы нѣкоторый смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы вооруженное возстаніе въ самомъ дѣлѣ было уже достигнутой ступенью движенія. Вотъ яркій примѣръ. Не задолго до открытія второй Думы одинъ изъ большевиковъ, именно т. Петръ Ал., писалъ въ «Сборникѣ первомъ», что если Дума опять будетъ состоять въ своемъ большинствѣ изъ либераловъ и они выставятъ опять требованіе отвѣтственнаго министерства, то противодѣйствовать осуществленію этого требованія мы, конечно, не будемъ, но въ противовѣсъ ему слѣдовало бы выставить идею образованія революціоннаго исполнительнаго комитета изъ нашей фракціи (П. Ал. кричитъ: «не вѣрно; изъ думской лѣвой». Ораторъ, не разслышавъ этого замѣчанія, говоритъ:) онъ этого не писалъ? Ну, такъ я предлагаю вамъ поспорить объ этомъ со мною въ печати, а теперь скажу, что это и есть авантюристская тактика немедленнаго призыва къ возстанію. И люди, рекомендующіе такіе призывы, ссылаются на Маркса! Но Марксъ говорилъ совсѣмъ не то, онъ говорилъ: «сначала воспитайте массу, а потомъ зовите ее къ выступленію».

Вотъ каковы тѣ незрѣлыя, запутанныя идеи, во имя которыхъ вамъ предлагаютъ осудить дѣятельность нашей фракціи въ Думѣ: т. е. со-

вершить крупнѣйшую политическую ошибку. Я не знаю, согласится ли на это большинство съѣзда. Но если согласится, то пусть помнитъ оно, что этимъ будетъ оказана очень большая услуга реакціи и той самой буржуазіи, съ которой оно хочетъ воевать. Какъ люди дисциплины, мы, конечно, преклонимся передъ постановленіемъ съѣзда; но этимъ постановленіемъ съѣздъ не мало не убѣдитъ насъ въ своей правотѣ. Мы будемъ продолжать считать это его постановленіе крупнѣйшей ошибкой. И въ этомъ случаѣ съ нами согласится весь рабочій интернаціоналъ. Кромѣ синдикалистовъ и анархистовъ, васъ рѣшительно никто не одобритъ. (Аплодисменты меньшевиковъ и бундистовъ.

Засѣданіе 23-е.

(Объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ)

Плехановъ. Товарищи! Я начну свою рѣчь однимъ частнымъ замѣчаніемъ терминологическаго свойства.

Тов. Ленинъ напалъ на «Плехановскую» «Современную Жизнь», которая будто бы постоянно говоритъ о политическомъ реализмѣ. Это не вѣрно *фактически*. Я никогда не говорилъ о политическомъ реализмѣ. И если бы тов. Ленинъ былъ не совсѣмъ беззаботенъ по части философіи, то онъ зналъ бы, что я не могу употреблять терминъ «реализмъ». Терминомъ этимъ сильно злоупотребляютъ въ философіи и мы, матеріалисты,—я, какъ вамъ извѣстно, матеріалистъ,—относимся къ нему съ большимъ недовѣріемъ. Такъ основательны Ленинскія нападки! Впрочемъ, если понимать терминъ реализмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребилъ здѣсь т. Либеръ, то, конечно, и я реалистъ. Либеръ говоритъ: наша тактика должна основываться на реальномъ соотношеніи общественныхъ силъ, а не на субъективныхъ желаніяхъ нашихъ. Это неоспоримо. Однако, вѣдь это то и есть марксистская тактика; марксистская же тактика есть тактика *современныхъ матеріалистовъ*. Этой тактики мы всегда держались и именно этимъ вызывали неудовольствіе нашихъ противниковъ. Правда, насъ упрекаютъ теперь не за марксизмъ, а во *имя* марксизма. Т. Роза Люксембургъ утвер-

ждаетъ, что мы составили себѣ извѣстную схему на основаніи дѣйствій Маркса въ 1847—48 г.г. и ни за что не хотимъ отступить отъ этой схемы. И потому мы, по ея словамъ, сами являемся какими-то окаменѣлостями—*почтенными* окаменѣлостями; этотъ комплиментъ согласна сдѣлать намъ т. Роза Люксембургъ—но все-таки окаменѣлостями. Это было бы очень жаль, но такъ ли это? Посмотримъ.

О какой схемѣ идетъ рѣчь у тов. Розы Люксембургъ?

Эта схема можетъ быть выражена словами: поддержка пролетаріатомъ революціонной буржуазіи въ интересахъ революціи. И эту схему Роза Люксембургъ объявляетъ ошибочной.

Въ 1847—48 г.г. Марксъ считалъ буржуазію *революціонной* и потому—и *только* потому,—совѣтовалъ пролетаріату итти рядомъ съ нею въ ея борьбѣ со старымъ порядкомъ. Но Марксъ *ошибался.* Германская буржуазія не была революціонной. Тѣмъ болѣе ошибаемся мы, считая революціонной россійскую буржуазію. Такъ говорятъ намъ. И такъ сказала т. Роза Люксембургъ. Но тутъ очень большое недоразумѣніе. Марксъ уже въ сороковыхъ годахъ не смотрѣлъ на германскую буржуазію, какъ на *революціонный* классъ. Вотъ вамъ доказательство. Въ полемикѣ съ К. Гейнценомъ онъ писалъ:

«Германцамъ, какъ я уже доказалъ это въ своихъ «*Нѣмецко-французскихъ лѣтописяхъ*», не везетъ на особый, христіанско-германскій ладъ. Ея буржуазія явилась на сцену такъ поздно, что

она начинаетъ борьбу съ абсолютизмомъ и стремится къ завоеванію политической власти въ такой моментъ, когда во всѣхъ развитыхъ странахъ буржуазія уже ведетъ ожесточенную борьбу съ рабочимъ классомъ и когда ея политическія иллюзіи уже пережиты въ европейскомъ сознаніи. Въ нашей странѣ—гдѣ еще не уничтожена политическая гниль абсолютизма съ его придаткомъ полуфеодальныхъ и сословныхъ отношеній —отчасти уже существуетъ, благодаря развитію промышленности и зависимости Германіи отъ міроваго рынка, новѣйшая противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ и вытекающая изъ нея борьба, о чемъ свидѣтельствуютъ возстанія рабочихъ въ *Силезіи и Богеміи*. Такимъ образомъ нѣмецкая буржуазія уже попала въ антагонизмъ съ пролетаріатомъ прежде, чѣмъ она организовалась политически, какъ классъ. Война между «подданными», наперекоръ всѣмъ Гамбахскимъ пѣснямъ, вспыхнула еще раньше, чѣмъ удалось раздѣлаться съ государями и съ дворянствомъ. Чтобы объяснить себѣ это полное противорѣчій положеніе, которое, разумѣется, отражается и въ нѣмецкой литературѣ, г. Гейнценъ не умѣетъ придумать ничего лучшаго, какъ свалить отвѣтственность за него на своихъ противниковъ и выставить его результатомъ контръ-революціонной дѣятельности коммунистовъ. Между тѣмъ нѣмецкіе рабочіе прекрасно знаютъ, что абсолютизмъ ни минуту не поколеблется и не можетъ колебаться попотчивать ихъ, на службѣ

у буржуазіи, бичемъ и пулями. Съ какой же стати предпочли бы они грубый гнетъ абсолютнаго правительства, съ его полуфеодальной обстановкой, непосредственному господству буржуазіи? Рабочіе прекрасно знаютъ не только то, что буржуазія должна будетъ сдѣлать имъ болѣе значительныя уступки, чѣмъ абсолютизмъ, но и то, что она противъ своей воли создаетъ въ интересахъ собственной промышленности и торговли почву для сплоченія рабочаго класса; сплоченіе же рабочихъ есть первое условіе ихъ побѣды. Рабочіе знаютъ, что уничтоженіе буржуазныхъ имущественныхъ отношеній не достигается сохраненіемъ феодальныхъ. Они знаютъ, что революціонное движеніе буржуазіи противъ феодальныхъ сословій и абсолютной монархіи можетъ лишь ускорить ихъ собственное революціонное движеніе. Они знаютъ, что ихъ собственная борьба противъ буржуазіи можетъ начаться лишь въ тотъ день, когда побѣдитъ буржуазія. И все-таки они вовсе не раздѣляютъ буржуазныхъ иллюзій г-на Гейнцена. Они могутъ и должны признать буржуазную революцію необходимымъ условіемъ рабочей революціи. Но они не могутъ ни на одну секунду видѣть въ ней свою конечную цѣль».

Марксъ смотрѣлъ на *германскую* буржуазію такъ, какъ смотримъ *мы* на *россійскую*. Онъ видѣлъ ея половинчатость и все-таки считалъ необходимымъ поддерживать ее въ ея хотя бы и половинчатой борьбѣ со старымъ порядкомъ. Намъ говорятъ: въ то время германское рабочее дви-

женіе было еще въ зародышѣ. Положимъ. Но это, какъ извѣстно, не помѣшало Марксу надѣяться, что буржуазная революція въ Германіи послужитъ лишь *прологомъ пролетарской*. Вы видите: *лишь прологомъ*, и все-таки надо поддерживать буржуазію. Такъ обстоитъ дѣло съ такъ называемой схемой. Это вовсе не *схема*, а *методъ*—нашъ матеріалистическій методъ въ его примѣненіи къ политикѣ. И Марксъ примѣнялъ его не только къ Германіи. Вотъ что онъ говоритъ объ Англіи, гдѣ тогдашняя буржуазія уже, конечно, не была, по его мнѣнію, революціонной: «Что рабочіе смотрятъ именно такъ—продолжаетъ онъ въ спорѣ съ К. Гейнценомъ—это блестяще доказали англійскіе чартисты во время недавняго движенія противъ хлѣбныхъ законовъ. Ни одной минуты не вѣрили они измышленіямъ и фантазіямъ буржуазныхъ радикаловъ, ни на одну минуту не отказывались они отъ своей борьбы противъ нихъ; но они вполнѣ сознательно помогали своимъ врагамъ одержать побѣду надъ торіями; а на другой день послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ на полѣ битвы стояли другъ противъ друга уже не торіи и фритредеры, а фритредеры и чартисты. И послѣдніе завоевали мѣста въ парламентѣ противъ буржуазныхъ демократовъ».

Таковъ *методъ*—повторяю, *методъ*—а не *схема* Маркса. Мы *вѣрны* ему. Т. Роза Люксембургъ ему *измѣняетъ*. Это жаль. Тов. Абрамовичъ назвалъ ее бланкисткой. Это не точно. Ея взгляды это все-таки марксизмъ—бланкизмъ надо цѣликомъ оставить т.т. большевикамъ. И это не «окаменѣлый»

марксизмъ. Это марксизмъ *испарившійся, улетучившійся* въ жару революціонной фразеологіи.

Тов. Либеръ спросилъ т. Розу Люксембургъ, на какомъ стулѣ она сидитъ. Наивный вопросъ! Т. Роза Люксембургъ не сидитъ на стулѣ. Она, подобно Рафаэлевой мадоннѣ, носится на облакахъ... отрадныхъ мечтаній (Аплодисменты).

Намъ говорятъ: вы дѣлаете пролетаріатъ орудіемъ буржуазіи. Это совсѣмъ не вѣрно. *Мы дѣлаемъ буржуазію орудіемъ пролетаріата.* Прошли тѣ времена, когда пролетаріатъ служилъ орудіемъ буржуазіи, миновали безъ возврата. Теперь пролетаріатъ является Деміургомъ нашей революціонной дѣйствительности. Теперь онъ—главная сила. И это даетъ ему особыя права, это налагаетъ на него особыя обязанности. Гегель говоритъ въ своей «Философіи Исторіи», что народъ, являющійся носителемъ великой исторической идеи, можетъ разсматривать всѣ другіе народы, какъ орудіе для осуществленія его великой цѣли: онъ можетъ топтать ихъ ногами и можетъ употреблять ихъ, какъ средства. Мы стоимъ не на національной, а на классовой точкѣ зрѣнія. Но и мы думаемъ, что пролетаріатъ, этотъ носитель великой идеи нашего времени, можетъ топтать ногами все *отжившее* и пользоваться всѣмъ *существующимъ* для своей великой цѣли. Онъ можетъ и онъ долженъ поступать такъ, ибо онъ былъ, есть и будетъ главнымъ двигателемъ революціи въ настоящее время! (Аплодисменты).

Засѣданіе 31-е.

(О рабочемъ съѣздѣ).

Плехановъ. Товарищи! Мы разбираемъ сегодня поистинѣ оригинальное, казусное дѣло. Передъ нами фигурируетъ, въ качествѣ подсудимой, идея *рабочаго съѣзда*. А судьей является съѣздъ россійской соціалдемократической рабочей партіи. Это политическій парадоксъ, о происхожденіи котораго очень стоило бы распространиться. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ на это времени. Я вынужденъ ограничиться разсмотрѣніемъ нѣсколькихъ упрековъ, дѣлаемыхъ съ разныхъ сторонъ нашей уважаемой подсудимой. Ея обвинители говорятъ: она родилась во время упадка освободительнаго движенія. Вы, говорятъ намъ, стремитесь и здѣсь встать на легальную почву. Хорошъ упрекъ! Я уже замѣтилъ въ одной изъ своихъ предыдущихъ рѣчей, что только анархисты могутъ ставить въ вину это стремленіе опереться на законъ. Съ нашей точки зрѣнія законъ, хоть немного облегчающій движеніе рабочаго класса, есть драгоцѣнное завоеваніе этого

класса, и мы не можемъ, мы не имѣемъ права пренебрегать подобными завоеваніями. Аксельродъ уже указалъ здѣсь на то, какъ Марксъ и Энгельсъ дорожили возможностью найти законную опору для рабочаго движенія. Но къ Марксу и Энгельсу рѣдко возвращаются мыслью наши товарищи, а если и возвращаются они къ нимъ, то не всегда удачно, какъ это показываетъ примѣръ тов. Розы Люксембургъ. Я сошлюсь на писателя, стоящаго ближе къ намъ во времени, на Каутскаго. Вотъ что писалъ онъ нашему стокгольмскому съѣзду о значеніи легальныхъ организацій:

«Задачи современной русской соціалдемократіи, думается мнѣ, имѣютъ нѣкоторое сходство съ тѣми задачами, которыя стояли предъ нами, австрійскими соціалистами, три десятилѣтія тому назадъ. Конечно, на ряду съ чертами сходства имѣются на лицо и отличія въ ситуаціи. Но положеніе кажется мнѣ сходнымъ въ томъ отношеніи, что и въ Австріи 30 лѣтъ тому назадъ правительство дѣлало невозможнымъ какую бы то ни было политическую организацію пролетаріата, а между тѣмъ потребность пролетаріата въ такой организаціи была крайне настоятельна. Конспиративная организація не могла бы охватить массъ, легальная—была невозможна. Что дѣлать?

«Мы соединили конспиративную организацію съ легальной. Товарищи основывали совершенно легально профессіональные союзы и

больничныя кассы. Но въ членовъ этихъ организицій они старались впитывать соціалдемократическій духъ. Затѣмъ уполномоченные этихъ организацій начинали тайно собираться, и такимъ образомъ въ каждомъ мѣстѣ образовывался конспиративный коллективъ, превращавшій всѣ легальныя организаціи въ органы единаго политическаго организма, дѣйствовавшіе единообразно и планомѣрно.

«Связь между отдѣльными мѣстностями поддерживалась время отъ времени тайными съѣздами, непрерывно же—политическою еженедѣльною газетою. Газета эта была не только органомъ пропаганды, но и орудіемъ организаціи. Въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ существовала партійная организація, редакція имѣла своего корреспондента, каковымъ состояло довѣренное лицо, уполномоченное мѣстными товарищами. Такимъ образомъ, редакція центральнаго органа стала центральнымъ пунктомъ, въ который сходились нити всей организаціи; редакція стала дѣйствительнымъ руководителемъ партіи. Ей была извѣстна партійная жизнь всѣхъ отдѣльныхъ мѣстностей, она отовсюду получала свѣдѣнія и справки, давала всюду свои указанія. Такой политическій организмъ, не нуждавшійся въ особомъ тайномъ уставѣ, развивавшійся совершенно непринужденно, самъ собою, оказался неприступнымъ и неразрушимымъ и въ то же время достаточно сильнымъ для установленія единства партійной политики

по всей странѣ.

«Такъ, вопреки запрещенію политической организаціи, былъ созданъ партійный организмъ, въ которомъ были организованы массы. Легальная пресса и легальныя экономическія организаціи пролетаріата были дополнены конспиративнымъ аппаратомъ и, такимъ образомъ, использованы для образованія партіи».

Итакъ, если съѣздъ явится новымъ шагомъ по пути легализаціи рабочаго движенія, то бояться этого—значитъ впадать въ анархизмъ.

Далѣе. Намъ кричатъ: ваша идея утопична. Вы собираете рабочій съѣздъ, чтобы онъ помогъ вамъ изжить ваши фракціонныя распри. Это сказалъ тов. Либеръ. Сегодняшняя рѣчь т. Либера была, къ сожалѣнію, далеко не изъ лучшихъ его рѣчей. Если бы люди, съ болѣе или менѣе полнымъ правомъ представляющіе болѣе сознательный слой пролетаріата, пришли къ менѣе сознательнымъ слоямъ и сказали имъ: «помирите насъ! прекратите наши распри!», то это, разумѣется, было бы смѣшно и нелѣпо. Но дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ: не затѣмъ хотимъ мы созвать рабочій съѣздъ. Для насъ онъ будетъ лишь однимъ изъ проявленій *самодѣятельности пролетаріата*. Теперь, когда порвалась та цѣпь, которая сковывала въ теченіе вѣковъ населеніе россійской имперіи, все зашевелилось, все пришло въ движеніе; собираются на съѣзды дворяне, собирается торгово - промышленная буржуазія.

Почему же не собраться пролетаріату? И почему намъ не поставить на его обсужденіе то, что Лассаль назвалъ идеей рабочаго сословія? Будьте увѣрены, товарищи, что если встанетъ передъ рабочимъ съѣздомъ эта идея, то онъ рѣшитъ ее въ соціалдемократическомъ смыслѣ. И это будетъ огромнымъ шагомъ впередъ, однимъ изъ тѣхъ шаговъ, по поводу которыхъ Марксъ говорилъ, что каждый изъ нихъ важнѣе цѣлой дюжины программъ. Но это-то, какъ будто, и пугаетъ васъ. Вы видите въ съѣздѣ попытку разрушить нашу партію. Я самъ горячо возстану противъ всякой попытки разрушить, упразднить нашу партію. У нея было много ошибокъ, но у нея гораздо больше заслугъ и она должна существовать въ интересахъ дальнѣйшаго развитія пролетаріата. Но она не должна мѣшать росту его самодѣятельности, а ваша оппозиція рабочему съѣзду именно мѣшаетъ этому развитію. Ваша резолюція говоритъ, что идею рабочаго съѣзда можно обсуждать въ органахъ партійной печати, но нельзя агитировать за нее въ широкихъ массахъ.

Я прекрасно знаю, что такъ называемыя опасныя идеи опасны, именно, тогда, когда онѣ распространяются въ широкихъ массахъ. Но соціалдемократія не должна бояться широкихъ массъ. Манифестъ коммунистической партіи говоритъ, что пролетаріатъ не можетъ выпрямиться, не можетъ пошевелиться безъ того, чтобы не затрещала по всѣмъ швамъ вся возвышающаяся надъ нимъ общественная надстройка. Неужели

же нашъ пролетаріатъ не можетъ двинуться, не можетъ пошевелиться безъ того, чтобы не перепугалась, не пришла въ замѣшательство россійская соціалдемократическая рабочая партія?! Это было бы слишкомъ печально!.. (Аплодисменты).

Резолюція Московскаго Окружного Комитета по поводу Гос. Думы, принятая передъ открытіемъ послѣдней.

I. Считая Г. Д. орудіемъ реакціонныхъ замысловъ правительства и принимая во вниманіе, что, несмотря на это, Дума является сосредоточіемъ конституціонныхъ иллюзій громадныхъ слоевъ населенія и надеждъ на широкія соціальныя и политическія реформы, мы полагаемъ, что такое противорѣчіе во взглядахъ на Думу правительства и народа должно служить поводомъ для превращенія Думы въ орудіе революціонизированія широкихъ массъ населенія, независимо отъ того, вступитъ ли Дума въ конфликтъ съ правительствомъ или, оставаясь въ рамкахъ легальной дѣятельности, будетъ служить цѣлямъ реакціи.

II. Признавая, что Дума должна являться орудіемъ революціонизированія широкихъ слоевъ населенія, мы считаемъ своей задачей использовать Думу для демонстрированія полной неспособности царскаго правительства дать странѣ дѣйствительно демократическій режимъ и для доказательства необходимости немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія.

III. Признавая, что существующій финансовый и промышленный кризисъ чреватъ неисчерпаемыми бѣдствіями для населенія, что подъемъ хозяйственныхъ силъ въ странѣ обусловленъ побѣдой демократіи; что всякая нерѣшительность постановки въ Думѣ вопросовъ настоящаго политическаго момента затягиваетъ разрѣшеніе кризиса; что всякая затяжка кризиса создаетъ

еще болѣе тяжелое положеніе, еще сильнѣе обостряетъ ужасы безработицы и голодовки, мы считаемъ своей задачей направить борьбу общественныхъ силъ такимъ образомъ, чтобы принудить Думу рѣшительно высказаться по вопросамъ современнаго политическаго положенія и тѣмъ самымъ какъ выяснить истинный характеръ намѣреній правительства, такъ и неспособность Думы къ положительной творческой работѣ; однимъ изъ главныхъ средствъ для этого мы считаемъ особыя политическія выступленія по поводу тѣхъ или иныхъ современныхъ лозунговъ, пріуроченныя къ обсужденію въ Думѣ соотвѣтственныхъ вопросовъ.

IV. Признавая, что всякая легальная дѣятельность въ Думѣ можетъ совершаться лишь въ предѣлахъ служенія реакціи, мы будемъ разсматривать всякую попытку работы въ предѣлахъ положенія о Государственной Думѣ, какъ заговоръ противъ народа и революціи.

Эта резолюція - надо отдать ей справедливость—написана довольно таки безграмотно. Однако, содержаніе этой, довольно таки безграмотной, резолюціи очень ясно въ томъ отношеніи, что ея никакъ нельзя пріурочить къ *Булыгинской* Думѣ. Кто же изъ большевиковъ считалъ возможнымъ использовать Булыгинскую Думу, какъ «орудіе революціонизированія широкихъ слоевъ населенія»? такъ стали смотрѣть только послѣ Стокгольма.

Типографія «Печатный Станокъ» Ул. Глинки.

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C022606192

Digitized by Google